

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-487-501

EDN: XJDZFO

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЗИЦИОННЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ, КАБАРДИНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Рашад Султанович Кимов¹, Лаура Владимировна Хатухова²

^{1,2} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

¹ rashad.kimov@yandex.ru

² laura.khatukhova@yandex.ru

Аннотация. Предлагаемая статья лежит в русле активно разрабатываемой в настоящее время на широком типологическом фоне проблемы кодирования пространства в естественном языке. При изучении вопросов языковой концептуализации пространства, как известно, исследователи в общем случае говорят о двух типах ситуаций: динамических – субъект перемещается в пространстве и статических – субъект пребывает в состоянии покоя (ср. англ. *at rest*). Такое состояние выражается одним из так называемых глаголов позиции ‘сидеть’, ‘стоять’, ‘лежать’, которым принадлежит ключевая роль в языковой презентации статической пространственной ситуации. Настоящая работа посвящена сопоставительному исследованию глаголов позиции в языках, вовлеченных в анализ. Отсюда ее задача заключается в кратком кросскультурном анализе семантики этих глаголов на основе данных толковых словарей и примеров их употребления в языке с целью выявления путей и принципов их концептуального расширения. Рассматриваемые глаголы с разной степенью полноты и под разным углом зрения описаны на материале многих языков мира, в том числе в английском и русском. Вместе с тем корреляты этих единиц в кабардино-черкесском языке (далее, кабардинском или КЯ), изучены и описаны недостаточно, особенно с точки зрения лексической типологии, что предопределяет актуальность предпринятого исследования. В статье показано, что, если русский и английский языки в общем случае для кодирования статической локализации прибегают к предложным оборотам с одним из глаголов позиции, КЯ использует специфические средства в силу строевых особенностей. Будучи типичным представителем полисинтетических языков, он кодирует пространственные отношения, *par excellence*, при опоре на уникальные *локативные* комплексы, состоящие из глагольного префикса с пространственным значением (аналога предлога) вкупе с одной из корневых морфем, выражающих соответствующую локативную позицию (=локализацию).

Ключевые слова: статическая пространственная ситуация, глаголы позиции, локативный комплекс, концептуальное расширение, метафора/метонимия, лексическая типология, грамматикализация

Для цитирования: Кимов Р.С., Хатухова Л.В. Сравнительный семантический анализ позиционных глаголов в русском, кабардинском и английском языках // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 487-501. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-487-501. EDN: XJDZFO.

© Кимов Р.С., Хатухова Л.В., 2025

Original article

COMPARATIVE SEMANTIC ANALYSIS OF POSTURE VERBS ‘STAND’, ‘SIT’, ‘LIE’ IN RUSSIAN, ENGLISH AND KABARDINO-CIRCASSIAN

Rashad S. Kimov¹, Laura V. Khatukhova²

^{1,2} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

¹ rashad.kimov@yandex.ru

² laura.khatukhova@yandex.ru

Abstract. The proposed article is in line with the problem of encoding space in natural language, which is currently being actively developed against a broad typological background. When studying the issues of linguistic conceptualization of space, as is well known, researchers generally speak of two types of situations: dynamic – the subject moves in space and static – the subject is at rest. This state is expressed by one of the so-called position verbs: sit, stand, lie down, which play a key role in the linguistic representation of a static spatial situation. The present work is devoted to a comparative study of position verbs in the languages involved in the analysis. Hence, the objective of the study is to conduct a brief cross-cultural analysis of the semantics of these verbs based on data from explanatory dictionaries and examples of their use in order to identify ways and principles of their conceptual expansion. At the same time, while these lexemes are described with varying degrees of completeness and from different angles in many languages of the world, including English and Russian, their correlates in Kabardino-Circassian (hereinafter, Kabardian or KL), have been studied and described insufficiently. In particular, the article shows that while Russian and English generally use prepositional structures to encode static localization, Kabardian resorts to some specific means due to its structural features. Being a typical representative of polysynthetic languages, spatial relations here are encoded, *par excellence*, by means of locative complexes consisting of a verbal prefix with a locative meaning combined with a root morpheme expressing some key ‘at-rest positions’.

Key words: static spatial situation, position verbs, locative complex, conceptual expansion, metaphor/metonymy, lexical typology, grammaticalization

For citation: Kimov R.S., Khatukhova L.V. Comparative semantic analysis of posture verbs ‘stand’, ‘sit’, ‘lie’ in Russian, English and Kabardino-Circassian. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 487-501. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-487-501. EDN: XJDZFO.

© Kimov R.S., Khatukhova L.V., 2025

Введение

Смена ‘базисной парадигматики’ научного исследования естественного языка, как известно, обусловила интерес ученых, работающих в области собственно лингвистики, так и смежных наук, к так называемому человеческому фактору в языке, что способствовало появлению когнитивного или – уже – антропоцентрического направления анализа языка, основным принципом которого является изучение языка в тесной связи с сознанием человека, его мышлением и духовно-практической деятельностью [Серебренников 1980]. В этом контексте особую роль сыграл, на наш взгляд, известный труд американского типолога Л. Талми с говорящим названием *How language structures space* [Talmy 1983]. Название, как видно, метафорично, так как «ни на одном этапе своего развития язык не обладает самостоятельной креативной силой», поскольку он способен лишь

фиксировать «концептуальный мир человека, имеющий своим первоначальным источником реальный мир и деятельность в этом мире» [Колшанский 1990:32]. Тем не менее, в этом фундаментальном труде Л. Талми предложил иное понимание пространственного представления мира в языке, которое восходит, по словам самого ученого к трудам предшественников (см. работы [Leech 1969; Fillmore 1968; Bennet 1975] и др.). На широком типологическом фоне он продемонстрировал разительный контраст между реальным миром *per se* (таким, как он есть на самом деле) и тем, который «встроен» в естественный язык или представлен в нем. Одной из первых, проведя глубокий и всесторонний анализ трудов наиболее ярких представителей когнитивной семантики, Е.В. Рахилина, интерпретируя идеи Л. Талми, справедливо подчеркнула, что «в языке человек изменяет не отдельные параметры объекта (разрядка наша – Р.К., Л.Х), а объект целиком, относя его к тому или иному топологическому типу¹ (круглые, плоские, вытянутые, бесформенные объекты, и т. п.) [Рахилина 1998а:]. Иными словами, в языке создается своя «модель» мира, которая имеет разные обозначения: «метафизика естественного языка» [Bach 1986], «наивная картина мира» [Апресян 1995], «языковая картина мира» [Серебренников 1988]. Кроме этого, Л. Талми первым ввел в лингвистический обиход заимствованные им из гештальтпсихологии такие понятия как *фигура* и *фон* для описания пространственных ситуаций – как динамических, так и статических. Поскольку нас интересуют последние, прокомментируем понятия *фигуры* и *фона* и правомерность их использования в лингвистических работах. Так, при восприятии статической ситуации, например, *велосипед у дома*, мы имеем дело с двумя объектами – велосипед и дом. С точки зрения человека они обладают разными перцептивными свойствами: велосипед – воспринимается на фоне дома, а не наоборот. Первый назван им *фигурой*, второй – *фоном*. Ср. книга на столе, где книга – это *фигура* (подвижный объект, *первичный*, в его терминологии), стол – *фон* (неподвижный объект, *вторичный*) [L. Talmy 1983, 2000]. Как видно, кодирование этих ситуаций в русском языке выглядит экономно: отсутствуют предикаты, указывающие на конкретную локативную (=пространственную) позицию фигуры (*сидеть, стоять, лежать*) относительно *фона*². В лингвистике способ описания конкретной позиции *фигуры* (X) относительно *фона* (Y) является типологической чертой, в соответствии с которой языки делятся на классифицирующие и универсальные, в зависимости от того, какая тенденция господствует в конкретном языке [Рахилина 1998]. Так, во французском языке, например, для всех случаев описания пространственной ситуации используется один предикат с широкой семантикой *être*. Русский язык, с одной стороны, может вообще обходиться без предикатов локативного состояния (ср. книга находится/лежит на столе vs книга на столе), но при этом в нем наблюдаются классифицирующие тенденции [Гак 1988; Апресян 2005]. Английский язык, как правило, не может обойтись без предикатов: в большинстве случаев он использует предикат «широкого спектра

¹ Считается, что понятие топологического типа в русскоязычную литературу вопроса введено Е.В. Рахилиной [Рахилина 1998].

² В литературе фигура часто символизируется как X, фон – Y, предлог именуется релятором и обозначается буквой г. Отсюда «книга на столе» записывается в виде формулы X г Y

действия» (*to be*) или – реже – один из позиционных глаголов. Что касается КЯ, его можно назвать сильно классифицирующим языком: ни одна пространственная ситуация ни при каких случаях не может обойтись без одного из базовых позиционных глаголов – *щытын* ‘стоять’, *щысын* ‘сидеть’, *щылъын* ‘лежать’, *фIэлъын* ‘висеть’¹. Иными словами, КЯ должен подчеркнуть, какое положение занимает объект, т.е., говоря совсем упрощенно – что X «делает» в конкретной ситуации. Итак, во всех трех языках имеются коррелирующие единицы, обозначающие положение объекта: ‘стоять’, ‘сидеть’ и ‘лежать’ (ср. англ. *sit, stand and lie*). С позиции современной типологии они подробно рассмотрены в известной работе Т.А. Майсака, ставшей хрестоматийной [Майсак 2005]. Представляя собой лексический класс, эти глаголы фигурируют в литературе по лексической семантике под разными названиями глаголы *позиции*, *позиционные глаголы* (см. работу Е.В. Рахилиной в настоящей работе [1998]). В англоязычной литературе они именуются *posture verbs*, *posturals* Newman и др.), а также *stance verbs* (глаголы покоя) и др. Интерес ученых к этим глаголам связан с их универсальным характером, разветвленной полисемией, способностью относительно легко подвергаться метафоризации и приобретать статус грамматикализованных единиц [Newman 2022]. Многочисленные исследования по языкам мира [Newman 2002; Newman&Rice, 2004], также показывают, что эти глаголы употребляются с большим количеством имен, обозначающих как человеческие (*human*), так и не ч е л о в е ч е с к и е (*nonhuman*) объекты. Иногда это прилагательное выступает в виде субстантива *nonhumans* [Lakoff, Johnson 1980]. Последние в свою очередь подразделяются на *природные объекты*, *артефакты*, с одной стороны, и *абстрактные объекты*, с другой. Рассматриваемые единицы относятся к числу антропоцентрических глаголов: в языках они, в первую очередь, описывают три разные специфические позы человека в пространстве. В нашем материале вертикальное положение выражается при помощи глагола *стоять* и его коррелятов *stand* и каб. *щытын*, горизонтальное – при помощи глагола *лежать*, ср. *lie* и каб. *щылъын*. Кроме этого существуют еще и «промежуточные» положения, которые можно назвать «сложенными» (Рахилина 1988:70). Они обозначаются при помощи глаголов *сидеть*, *sit* и каб. *щысын*. В соответствии с антропоморной категориализацией мира, в том числе и пространства, эти же предикаты во всех трех языках² применимы и для описания положения в пространстве некоторых животных. Так, некоторые из них могут занимать любое из пространственных положений (поз). Следует при этом отметить, что кроме горизонтальных и вертикальных параметров ориентирования человека в пространстве, особую роль играет также фактор опоры, т.е. на что (на какую часть тела) он опирается. [Рахилина 1998, Сметанина 2006]. Так, предикат *стоять* описывает пространственное положение, при котором тело человека ориентировано вертикально и опорой для него являются ноги (ступни); предикат *лежать* обозначает горизонтальное положение тела человека, которое в такой позе может опираться на разные части тела: ср. *лежать на боку*, *на спине*, *на животе*. В английском языке,

¹ В КЯ «висение» семантически связано с лежанием, поэтому мы рассматриваем только три глагола.

² При отсутствии необходимости иногда примеры будут подаваться на русском языке

пространственное положение, при котором верхняя часть тела ориентирована вертикально, а точкой опоры являются ягодицы, описывается глаголом *sit*¹ [Сметанина 2006] (ср «сложенные» положения у Е.В. Рахилиной, что больше подходит, на наш взгляд, описания этой специфической позы человека)

Приведем примеры сходства концептуализации:

Ср. *стоять, сидеть, лежать*
дети стояли...
дети сидели тихо
дети лежали, утомленные жарой

stand, sit, lie
she stood waiting for the bus
she sat still
he lay motionless

щытын, щысын, щелью
щалэр щытыш парень стоит
сабийр щысиш ребенок сидит
Лыжьыр щылъиш старик лежит

Из примеров видно, что в первом (=основном, прямом) значении, все три глагола во всех трех языках выражают идею специфической позы, т.е., собственно, то, для выражения чего они существуют в конкретном языке: если человек находится в вертикальном положении, опорой являются ноги, когда он лежит, то он опирается либо на спину или бок и т.д.; если человек сидит, точкой опоры является нижняя часть туловища. Из приведенных примеров также видно, что все они структурно «неполные» в том смысле, что в них присутствуют только объекты X (= фигуры), которые занимают определенное локативное положение. Иными словами, в этих примерах отсутствует место или область локализации этих объектов (Y-и). В естественном языке гораздо чаще мы сталкиваемся, как известно, с описанием полных ситуаций, в которых наличествуют два участника, viz. объект (X), фигура и место (Y), фон («что-то находится где-то, в чем-то»). Для этих целей в русском и английском используются предложные обороты с именами, обозначающими место расположения или локализации фигур. Отсюда рассмотренные примеры более естественно выглядели бы как дети стояли у ворот/дома/входа/на остановке/около вокзала и т.д. В приведенных примерах нам важно было показать, что во всех языках имеются глаголы позиции в виде самостоятельных лексических единиц. Вместе с тем в силу типологических особенностей в КЯ отсутствуют предлоги, которые в других языках (например, в европейских) служат для выражения соотношения фигуры (X) и фона (Y). Ср. *на столе, под креслом, у ворот и at the window, on the grass, under the table* и т.д. Это связано с тем, что в КЯ языке, как отмечают исследователи [Рогава, Керашева 1966; Серебренников 1988; Майсак 2005], очень мало местных падежей.

¹ Ситуация «сидения на корточках» в английском лексикализуется при помощи глагола *squat*, в то время как в русском обозначается словосочетанием с компонентом *сидеть*; в КЯ также используется коррелят глагола *сидеть*

Такое положение компенсируется разветвленной сетью локальных или местных, в другой терминологии, префиксов, которые, будучи встроены в структуру глагольной лексемы, с гораздо большей степенью детализации описывают соотношению фигуры и *фона*. Это обеспечивается устойчивой комбинацией морфем: букв. *всидеть*, *належать*, *встоять*, которая (комбинация) названа Л.В. Хатуховой локативным комплексом (ЛК) [Хатухова 2024]. Последний представляет собой в некотором смысле уникальное явление: в отличие от английского и русского языков это не предложный оборот (НА столе, у ворот и т.д.), а цельнооформленная идиоматическая лексическая единица КЯ. Каждый из этих ЛК состоит из преверба и корневой морфемы.

Поясним на примерах:

Сабийр **щы-т-щ** (1)

РебенокABS¹ LOC_стоять3л. ед.ч., наст. вр.

Ребенок стоит (именно *стоит*, а не *сидит* и не *лежит*)

Сочетание морфем (выделено жирным шрифтом) и есть локативный комплекс. В данном примере мы имеем дело с ЛК – **щытын**

Сабийр стоЛым **те- т-щ** (2)

РебенокABS столERG LOC_SUPER- стоять

Ребенок *стоит на* столе

буквально: ребенок «**настоит**»

Как видно, в (1) **щы-т-щ** является одним из трех позиционных глаголов **щытын** ‘стоять’, **щысын** ‘сидеть’, **щылъын** ‘лежать’, т.е. выражает тип расположения фигуры в пространстве. В (1) он служит для обозначения в предикативной форме «стоячей» позы субъекта: 3л., ед. ч., наст. время. Со структурной точки зрения **щытын** также представляет собой ЛК. При этом глагольный префикс **щы-**, повторяющийся во всех трех глаголах, выражает идею общей локализации безотносительно к фону. При необходимости детализации расположения *фигуры* по отношению к *фону* (например, ребенок стоит на *столе*) язык прибегает к специальному ЛК **тетын** в личной форме **те- т-щ** (2). Присутствуя в системе языка в виде вокабулы (в нефинитной форме), все пространственные ЛК учитывают следующие параметры ситуации:

- онтологические** свойства фигуры (человек, животное, рептилии, земноводные, пресмыкающиеся) определяют выбор локативного предиката в прямом значении

- семантические, т.е.** выделенные и приписанные наивным сознанием свойства *фигуры* (природные явления, ландшафтные единицы, абстрактные понятия)

- актуальное специфическое расположение *фигуры* (поза)

- соотношение *фигуры* (субъекта) и *фона* (места локализации субъекта)

- топологические характеристики *фона* (Y)

¹ По мере необходимости примеры глоссируются в виде поморфемной нотации. Список условных обозначений см. в конце статьи.

Рассмотрим языковую концептуализацию *фигур* (объектов X) в сочетании с позиционными глаголами безотносительно к области локализации (Y). Иными словами, рассмотрим, какие объекты могут занимать все **три** локативные позы, а какие могут быть либо “стоячими” и “сидячими”, либо только «лежачими».

Как показал анализ, с точки всех трех языков любую из позиций могут занимать четвероногие животные, т.е., те, кому предназначено природой находиться в одной из трех поз. Так, собака, например, стоит, сидит, лежит Ср. *the dog is standing, sitting, lying*. Все три глагола КЯ могут быть использованы для описания тождественных онтологических ситуаций с «участием» этих же животных, что вполне логично. Однако, уже на данном этапе начинаются расхождения: так, в английском и русском языках в нейтральной прагматической ситуации предпочитают говорить о стоячей или лежачей корове (*коровы лежат на лугу* и *the cows are lying*), но не сидячей¹, поскольку данная поза нехарактерна для крупного рогатого скота. Такая «сидячая» поза считается «собачьей» и она, как полагают русские и англичане, характерна также для таких животных как свиньи. Любопытные комментарии обнаружены нами на одном из англоязычных научных сайтов². Нетрудно видеть, однако, что это факты научной биологии, т.е. естественнонаучной картины мира³, которые отличаются от «метафизики естественного языка» и имеют свое «мнение» относительно специфических поз четвероногих животных. Так, с точки зрения кабардинской языковой картины мира, вернее, принципов сортировки опыта, принятых в данном языке, корова может занимать все три локативных положения, хотя некоторые «человеческие» параметры, обеспечивающие вертикальное положение “стояния” для нее не «работают»: так, стоячая корова опирается на четыре ноги, человек - на две, туловище сидячей коровы в прямом смысле не находится в вертикальном положении, и она опирается не на ягодицы, а, скорее, на грудь и бок (левый или правый), поджав, как правило, передние ноги. При этом лежачая корова, с точки зрения КЯ, это та, которая сытно поела и лежит, растянувшись от удовольствия. Как видно из приведенных комментариев, здесь наблюдается конфликт между научной и языковой картинами мира, т.е. между научной и чисто человеческой категоризацией информации, поступающей к познающему субъекту извне. Вместе с тем в данном случае можно пренебречь некоторыми случаями специфической пространственной категоризации, принятыми в конкретном языке, чтобы прийти к общему знаменателю: будем считать, что четвероногие животные могут занимать любое из положений с точки зрения всех трех языков. Что касается птиц – все языки демонстрируют схожую концептуализацию: все птицы стоят на двух ногах или сидят, поджав ноги. Лежачие птицы, как правило, павшие (они могут

¹ «Сидящая корова – это ненормально, и скорее всего она болеет». «Коровы не умеют сидеть, так как их «пятая точка» не приспособлена для сидения», «Коровам вымешает сидеть», «Специалисты говорят, что коровы из положения сидя не смогут встать, так как задние ноги не смогут поднять заднюю часть» [https://vk.com/wall-32811940_27723].

² коровы всегда должны лежать на животе, чтобы обеспечить нормальное пищеварение: желудок должен оставаться в одном и том же положении относительно силы тяжести, независимо от того, стоит животное или лежит [<https://www.sciencedaily.com/>].

³ когнитивная наука, в рамках которой мы выполняем настоящую работу, является междисциплинарной, опирающейся на данные многих современных отраслей знания. Поэтому для иллюстрации некоторых положений исследования необходимо привлекать данные других наук.

лежать на спине или на животе). Четвероногие насекомые: пчелы, мухы, осы, стрекозы, как правило, могут занимать только сидячую позу. Иногда в английском наблюдается исключение, которое отмечается во многих работах: муха с точки зрения этого языка может «стоять», например, на потолке. Рептилии - как правило, лежат, но могут и сидеть. Судя по форумам или иной информации из сети, мнения пользователей разделяются¹. В КЯ рептилии могут лежать или сидеть. При этом, если змея, скажем, постоянно «проживает» в огороде, то она сидит. Если она заползет в нору, то она может «сидеть» там часами, т.е. находиться в определенном месте. Но если вы пришли домой и неожиданно столкнулись со змеей во дворе, вы опишете ее позу как «лежачую»

Вертикальные вытянутые объекты (столбы, шесты, башни, здания) в трех языках осмысляются как «стоящие». Как видно из рассмотренных примеров, семантическое расширение позиционных глаголов-коррелятов в этих языках осуществляется в соответствии с общечеловеческой логикой: за небольшим исключением они кодируют одинаковым образом онтологически тождественное пространственное расположение субъектов в пространстве.

Рассмотрим теперь особенности выражения локализации отдельных X в КЯ, которые существенно отличают их русского и английского языков, демонстрируя чисто «кабардинское» смысление пространственной ситуации.

Как мы уже отмечали, в русском и английском стативные пространственные ситуации выражаются конструкциями с предложным оборотом: *книги лежат на столе (а)* или *книги – на столе (б)*. При этом (а) – конструкция полная, содержит объект X, место его локализации (Y), глагол позиции (*лежать*), показывающий расположение X-а, и предлог *на*, который выражает как X и Y соотносятся (в данном случае X на Y-е). В то же время (б) – конструкция неполная: в ней отсутствует предикат (=глагол позиции). В английском языке для обеспечения структурной или даже семантической полноты фразы в таких случаях используется либо один из трех глаголов позиции – *stand, sit, lie*, либо предикат *to be*, который, как правило, может заменить любой из этих глаголов. В кабардинском же языке, однако, «полнота» конструкции обеспечивается, как показано выше, посредством участия в ней X-а, Y-а и локативного комплекса. При этом ЛК является не только обязательным компонентом конструкции, но еще и содержит позиционный предикат в виде морфемы: ср. примеры (1) и (2). Иными словами, можно еще раз повторить, что в любой стативной пространственной ситуации КЯ навязывает своим носителям обязательное выражение того, что ДЕЛАЕТ (вернее, в какой специфической позе пребывает) фигура относительно *фона* (пример 2). В большинстве случаев использование этих предикатов легко объяснимо с точки зрения универсальных принципов категоризации мира (ср. пример 2 и его переводы на другие – русский и английский – языки). Вместе с тем такая обязательность, **навязываемая** КЯ, предопределяет редкую для языков мира концептуализацию специфической позы X-а. Рассмотрим, как КЯ кодирует расположение некоторых X-ов с участием позиционных глаголов.

¹ Ср. «змея – однозначно лежит»; змея лежит в коробке (мертвая, обездвиженная); змея сидит в коробке (однозначно живая); змея сидит в норе и т.д. С точки зрения английского языка рептилии, в т.ч. змеи, как правило лежат (ср. **snakes have no legs at all and are prone to lie down**) [<https://russian.stackexchange.com/>]

Щысын ‘сидеть’

В качестве образца возьмем нечеловеческий (nonhuman object) объект – рыбу.

Бздэжье-р псы-м хэ- с- щ (3)

РыбаABS водаНRG LOC_IN- **сидит**-Зл., ед.ч, наст.время

Рыба(ы) <находится> в воде, букв. рыба сидит в воде¹.

По-русски можно вполне нормативно сказать *рыбы живут в воде* (ср. fish live in water). В КЯ для описания этой же ситуации более естественным будет использование глагола *щысын* ‘сидеть’: глагола, соответствующего по значению русскому *находиться*. В английском языке для этих целей используется, например, *to be*; в КЯ коррелятивной единицы не существует. Интересно рассмотреть, как кодируется с точки зрения трех языков процесс каузации, т.е. «вхождения», X-а (рыбы) в «сидячее» положение (см. анализ аспектуально-каузативных типов позиционных глаголов в [Майсак, 2005:121]). Так, по-русски можно сказать: *запустить рыбок в аквариум* (ср. put your fish in the aquarium). Глагол (за)пустить в этимологическом смысле означает «освободить», как бы «перестать» неволить. Иными словами, «сделать так, чтобы рыба оказалась в воде». Ср. другой пример: «В этом году мы запустили много мальков в озеро». С точки же зрения КЯ рыб в озеро/аквариум буквально ‘*саожают*’. Отсюда, если X (в нашем случае – рыба) «заставили» принять сидячую позу, то она «вынуждена» сидеть. Но это справедливо по отношению к человеческим объектам или, по крайней мере, к определенным животным (см. выше). Так почему же с точки зрения КЯ рыбы *сидят*? Если верно наше сильное допущение о том, что любой объект в стативной пространственной ситуации с точки зрения КЯ должен занимать одну из специфических поз, данное положение также распространяется и на рыб. Пойдем здесь методом исключения: а) рыба ни при каких условиях не может занимать стоячее положение (см. выше), т.е. ее тело не может принимать вертикальное положение. Отсюда *рыба не может «стоять» в воде*; б) если допустить, что рыба *лежит* в воде, значит она, скорее всего, мертвая: в этом случае она либо лежит на боку, или же пузом/брюхом кверху («выключена» из активной жизни). Исключив эти две специфические позы рыб, находящихся в воде (неважно, в реке, объемном водоеме, маленьком аквариуме), мы вынуждены использовать только глагол со значением «сидеть». В связи со сказанным можно также предложить и другое направление когнитивного освоения мира или, скорее обогащения опыта общения субъекта с окружающим миром. Рыбе в КЯ могли приписать сидячее положение по аналогии с земноводными: в КЯ *лягушки сидят в воде*; *ящерицы* также *сидят <на камне>*. Любопытно рассмотреть на примерах отсутствие единого мнения относительно расположения рыб в воде с точки зрения русских² и англичан³. Следует иметь в виду, что примеры показывает единичные случаи сходства и различия в концептуализации позы одних и тех же животных в английском и

¹ В КЯ вода и река представляют собой одно слово: река – это «бегущая вниз вода» (имеется в виду с гор)

² В таких местах и **стоит** форель в ожидании пищи [<https://m.ok.ru/group/52065605124179/topic/68808946865491>]

³ If a fish **sat** in swift water all day... [<https://fishing.scoutlife.org/where-to-find-fish-in-a-river-or-stream>]

русском языках. В этом нет ничего удивительного: количество примеров, иллюстрирующих сходства и различия такого рода, при переходе от языка к языку можно множить бесконечно. Нам важна господствующая тенденция и системные принципы категоризации специфических поз человека и животных в КЯ.

Как показал анализ, глагол *щысын* в КЯ при концептуальном расширении реализует следующие значения:

a. *хъэкIэкхъуэкIэр мэзым щIэсиц*

звери живут в лесу (локативное значение)

букв. ‘сидят в лесу’. Ср. пример (3)

some animals live in forests

a-1. *мы мэзым хъэкIэкхъуэкIэ щIэсиц*

в этом лесу живут (=водятся) звери (экзистенциальное значение)

букв. ‘сидят в лесу’. Ср. пример (3)

there **are** a lot of wild animals in the forest

Существует и другой способ выразить нахождение животных где-л. помимо глагола *щысын* «сидеть», viz. *щыпсэун* ‘живьть, проживать’. Что касается рыб, лягушек и др. животных, вариант ‘сидеть’ более приемлем. Чем меньше животное по размеру, тем меньше для описания его нахождения подходит глагол *щыпсэун* ‘живьть’. Так, например, экзопаразиты человека и животных (виши, блохи, клещи и т.д.) с точки зрения наивного сознания КЯ букв. ‘**сидят**’: в волосах человека, перьях птиц, шерсти животных, а эндопаразиты также сидят, но в крови, моче, легких, печени, мышцах, мозгу. При этом глагол в значении ‘живьть’ вообще не подходит для описания этих ситуаций. Вместе с тем, глагол *щысын* ‘сидеть’ используется для метонимического обозначения ситуации «здесь когда-то **сидело** село», т.е. проживали люди. В английском и русском данный глагол в этих целях не используется. В этой связи возникает вопрос – каковы когнитивные основания использования *щысын* ‘сидеть’ для описания указанных выше ситуаций? В дополнение укажем, например, что, с точки зрения КЯ, вопреки ожиданиям, дождевые черви букв. ‘сидят’ в земле (=почве). Как видно, антропоморфный принцип метафоризаций как в случае с другими животными здесь не приемлем: (коровы/овцы сидят; птицы/насекомые сидят). В концепции Е.В. Рахилиной сидящие объекты в прототипической ситуации мыслятся как «сложенные» (с чем мы согласны) [Рахилина 1998]. Но здесь случай – не прототипический. Более того, непонятно, как вытянутому объекту под названием «дождевой червь», который никогда не может принять вертикальное положение или «сложиться», наивное сознание «могло» приписать сидячее положение? Здесь мы предлагаем, как и в случае с рыбами, считать такой факт «давлением» системы языка: любому объекту в пространственной ситуации КЯ обязан «приписать» одну из трех поз. Отсюда черви не могут быть ни стоячими, ни лежачими (что вполне можно было бы ожидать). Остается только один вариант – считать их «сидящими» объектами. Но здесь возникает проблема грамматикализации¹, т.е. приобретения этой лексической единицей грамматических черт. Отвлекаясь от разных точек зрения на

¹ о происхождении термина и современных теориях грамматикализации в свете типологии см. работу [Майсак, 2005].

грамматикализацию, вслед за Т.А. Майсаком, мы опираемся на точку зрения В.А. Плунгяна, который определяет ее как «исторический процесс превращения не-грамматической единицы языка в грамматическую или появления у некоторой единицы языка большего числа грамматических свойств» [Плунгян 2001]. Параллельно с этой проблемой возникает и другая – метафоризация, вернее, результат действия механизма метафоры/метонимии Иными словами, каковы когнитивные основания использования кабардинского глагола **щысын** ‘сидеть’ в примерах (даны переводе) типа *рыбы сидят в воде* (=живут), змея *сидит в норе* (=живет)? На данном этапе мы склонны считать, что здесь кабардинский глагол находится на начальном этапе грамматикализации.

Щыльын ‘лежать’

Как мы показано выше, этот глагол в рассматриваемых языках в общем случае служит для выражения идеи лежачего (горизонтального) положения. В этом смысле все три языка демонстрируют сходные черты. Однако в КЯ глагол **щыльын** используется в пространственных конструкциях, в которых позицию X занимают абстрактные существительные, выражающие муки, нравственные терзания. Ср.

ипсэм бэлыхъ тельщ
 Poss3-ед.ч-душа мүки LOC_SUPER- лежит Зл. ед.ч.
 Он/она испытывает нравственные страдания, муки
 Букв. «на его душе лежат муки, страдания».
 Для этих же целей используются иногда русские сердце и душа.
 Ср. русск. в душе и каб. на душе
 на сердце каб. в сердце.

Инородные тела, мокроты при простуде с точки зрения КЯ также могут «лежать на горле», и человек должен заставить их букв. «сойти с горла» (ср. русск. *мокрота не отходит*).

Любопытными также представляются случаи использования щыльын ‘лежать’ в следующих ситуациях. Так, чтобы подчеркнуть, что ты не имеешь отношения к какому-либо делу, по-русски говорят: «это не твое дело» или «тебя это не касается». По-английски эта же фраза звучит как: It's none of your business. КЯ, как правило, ориентированный на глагольный компонент предложения, выражает эту ситуацию буквально как: «твое дело **не лежит** в этом деле». Попутно отметим, что в любом из языков при всем старании говорящего смягчить эффект, эта фраза звучит грубо. Среди других возможных расширений отметим сходство в концептуализации нахождения денег в банке:

русск. *деньги лежат в банке* и каб **ахъшэр хэльиц** (букв. ‘деньги лежат’). Английский язык использует глагол **sit**: для англичан деньги букв. «сидят в банке».

Щытын ‘стоять’

Семантическое развитие этого глагола в КЯ рассмотрено в работе [Хатухова 2025]. Здесь мы обратим внимание на некоторых моментах сходства и различия

в осмыслении специфических поз человека. С точки зрения всех трех языков концептуальное расширение семантики глаголов-коррелятов в значении ‘стоять’ осуществляется благодаря вертикальной метафоре в следующем направлении: человек> животные> птицы> земноводные (лягушки)> вертикально ориентированные натурфакты (гора, холм, стоячее дерево)> артефакты (вертикально ориентированные объекты, приподнятые над землей: уличные фонари, здания).

Одной из особенностей семантического развития этого глагола в КЯ в отличие от английского и русского заключается в том, что *щытын* ‘стоять’ деконцептуализируется, превращаясь в бесспорную грамматикализованную единицу. При этом он выполняет связочную функцию, чаще всего при категоризации ситуаций в прошедшем времени:

*зауэм ипэкІэ бригадиры щыташ
до войны они был бригадиром
букв. «до войны стоял бригадиром»*

Следует отметить, что в других языках, в частности, в английском и русском этот глагол не подвергается в такой степени грамматикализации, что позволило бы выступать в связочной функции.

Заключение

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Установлено, что семантическое развитие анализируемых глаголов во всех трех языках осуществляется, с одной стороны, в соответствии с общечеловеческими, универсальными (логическими) формами мышления. С другой стороны, концептуальное расширение этих лексем, как показывает анализ их «языкового поведения», предопределяется уникальными принципами «сортировки» и осмыслиения опыта, принятыми в конкретной лингвокультуре. В означаемом каждого из этих глаголов вне зависимости наблюдается семантическое развитие от конкретного к абстрактному. Выявлено также, что в отличие от английского и русского языков ни одна стативная пространственная ситуация не может быть представлена без участия одного из исследуемых позиционных глаголов КЯ. Дальнейшее направление исследования состоит в выработке критериев разведения процессов грамматикализации и метафоризации, предопределяемых строевыми особенностями кабардинского языка.

Глоссы:

ABS –абсолютный падеж; соответствует именительному падежу

ERG – эргативный падеж (здесь: кодирует *фон*)

LOC –передает локативный концепт

LOC_SUPER - семантический ярлык: *фон* находится выше *фигуры*

LOC_IN – семантический ярлык: *фон* находится внутри *фигуры*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян 1995 – Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – Москва: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.

- Гак 2006 – Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским: Учебное пособие. Изд. 4-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. – 264 с.
- Кимов 2018 – Кимов Р.С. Категоризация пространства в языке со связанными формами // Когнитивные исследования языка – 2018. – № 32. – С. 237-245.
- Колшанский 1990 – Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 103 с.
- Майсак 2005 – Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 480 с.
- Плунгян 2001 – Плунгян В.А. Грамматикализация // Энциклопедия «Кругосвет». – 2001. Электронный ресурс. Режим доступа: www.krugosvet.ru (дата обращения: 12.06.2025 г.)
- Рахилина 1998 – Рахилина Е.В. Семантика русских «позиционных» предикатов: «стоять», «лежать», «сидеть» и «висеть» // Вопросы языкоznания. – 1998. – № 6. – С. 69-80.
- Рахилина 1998а – Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семиотика и информатика. – 1998. – № 36. – 49 с.
- Рогава, Керашева 1966 – Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. – Краснодар; Майкоп: Краснодарское кн. изд-во, 1966. – 462 с.
- Серебренников 1988 – Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 87–108.
- Сметанина 2006 – Сметанина Т.В. Категоризация пространственного положения одушевленных нечеловеческих объектов глаголом sit // Известия Иркутской государственной экономической академии. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. – № 2 (47). – С. 113-116.
- Хатухова 2024 – Хатухова Л.В. Локативный комплекс как лингвистическая проблема (на материале русского и кабардинского языков) // Казанская наука. – 2024. – № 5. – С. 405-408.
- Ameka & Levinson 2007 – Ameka F.K. & Levinson S.C. The typology and semantics of locative predicates: posturals, positionals, and other beasts. Introduction to Special Issue on Locative Predicates. – Linguistics, 2007. – 45(5/6). – Pp. 847-871.
- Bach Emmon 1986 – Bach Emmon Natural Language MetaphysicsR. Barcan Marcus, G.J.W. Dorn and P. Weingartner, eds. Logic, Methodology, and Philosophy of Science VII (Amsterdam et al.: North Holland, 1986. – P. 573–595.
- Bennett 1975 – Bennett D. Spatial and temporal uses of English prepositions: An essay in stratificational semantics. – New York: Longman Press, 1975. – 235 p.
- Fillmore 1968 – Fillmore Ch. The case for case // E. Bach & R. Harms (Eds.), Universals in linguistic theory. – New York: Holt, Rinehart & Winston, 1968. – 88 p.
- Lakoff, Johnson – Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago: Univ. of Chicago, 1980. – 276 p.
- Leech 1969 – Leech G. Towards a semantic description of English. New York: Longman Press, 1969. – 277 p.
- Newman 2002 – Newman J. “A cross-linguistic overview of the posture verbs ‘sit’, ‘stand’, and ‘lie’ // The Linguistics of Sitting, Standing and Lying, John Newman (ed.). DOI: 10.1075/tsl.51.02new.
- Newman & Rice 2004 – Newman J., Rice S. Patterns of usage for English SIT, STAND, and LIE // A cognitively inspired exploration in corpus linguistics. Cognitive Linguistics. – 2004. – 15 (3). – Pp. 351-396.
- Newman 2022 – Newman J. Experiential motivation and the linguistics of sitting, standing and lying (Open Access). DOI: 10.1002/wcs.1592.
- Talmy 1983 – Talmy L. How language structures space / L. Talmy ; H. L. Pick (Jr.), L. P. Acredolo (eds.) // Spatial orientation: Theory, research and application. – N.Y.: Plenum Press, 1983. – P. 225–282.

REFERENCES

- APRESYAN YU.D. *Izbrannye trudy. T.2. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya lek-sikografiya* [Selected Works. Vol. 2. Integral Description of Language and Systemic Lexicography]. – Moskva: Yazyki russkoi kul'tury, 1995. – 767 p. (In Russ.).

- GAK V.G. *Russkii yazyk v sopostavlenii s frantsuzskim: Uchebnoe posobie* [Russian in Comparison with French: A Textbook]. Izd. 4-e, stereotipnoe. – M.: KomKniga, 2006. – 264 p. (In Russ.).
- KIMOV R.S. *Kategorizatsiya prostranstva v yazyke so svyazannymi formami* [Categorization of Space in a Language with Related Forms]. In: Kognitivnye issledovaniya yazyka – 2018. – № 32. – P. 237-245. (In Russ.).
- KOLSHANSKII G.V. *Ob"ektivnaya kartina mira v poznaniii i yazyke* [Objective Worldview in Cognition and Language]. – M.: Nauka, 1990. – 103 p. (In Russ.).
- MAISAK T.A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruktsii s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [Typology of Grammaticalization of Constructions with Motion Verbs and Position Verbs]. – M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005. – 480 p. (In Russ.).
- PLUNGYAN V.A. *Grammatikalizatsiya* [Grammaticalization]. In: Entsiklopediya «Krugosvet». – 2001. Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: www/krugosvet.ru (data obrashcheniya: 12.06.2025 g.) (In Russ.).
- RAKHILINA E.V. *Semantika russkikh «pozitsionnykh» predikatov: «stoyat'», «lezhat'», «sidet'» i «viset»* [Semantics of Russian "positional" predicates: "to stand", "to lie", "to sit", and "to hang"]. In: Voprosy yazykoznanija. – 1998. – № 6. – P. 69-80. (In Russ.).
- RAKHILINA E.V. *Kognitivnaya semantika: Istoryia. Personalii. Idei. Rezul'taty* [Cognitive Semantics: History. Personalities. Ideas. Results]. In: Semiotika i informatika. – 1998. – № 36. – 49 p. (In Russ.).
- ROGAVA G.V., KERASHEVA Z.I. *Grammatika adygeiskogo yazyka* [Grammar of the Adyghe Language]. – Krasnodar; Maikop: Krasnodarskoe kn. izd-vo, 1966. – 462 p. (In Russ.).
- SEREBRENNIKOV B.A. *Kak proiskhodit otrazhenie kartiny mira v yazyke* [How the World View is Reflected in Language]. In: Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i kartina mira. – M.: Nauka, 1988. – P. 87–108. (In Russ.).
- SMETANINA T.V. *Kategorizatsiya prostranstvennogo polozheniya odushevlennykh nechelovecheskikh ob"ektor glagolom sit* [Categorization of the Spatial Position of Animated Non-Human Objects by the Verb Sit]. In: Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii. – Irkutsk: Izd-vo BGUEP, 2006. – № 2 (47). – P. 113-116. (In Russ.).
- KHATUKHOVA L.V. *Lokativnyi kompleks kak lingvisticheskaya problema (na materiale russkogo i kabardinskogo yazykov)* [The Locative Complex as a Linguistic Problem (Based on the Russian and Kabardian Languages)]. In: Kazanskaya nauka. – 2024. – № 5. – P. 405-408. (In Russ.).
- AMEKA F.K. & LEVINSON S.C. *The typology and semantics of locative predicates: posturals, positionals, and other beasts. Introduction to Special Issue on Locative Predicates.* – Linguistics, 2007. – 45(5/6). – Pp. 847-871.
- BACH EMMON. *Natural Language Metaphysics*. R. Barcan Marcus, G.J.W. Dorn and P. Weingartner, eds. Logic, Methodology, and Philosophy of Science VII. Amsterdam et al.: North Holland, 1986. – P. 573–595.
- BENNETT D. *Spatial and temporal uses of English prepositions: An essay in stratificational semantics*. – New York: Longman Press, 1975. – 235 p.
- FILLMORE CH. *The case for case*. In: E. Bach & R. Harms (Eds.), Universals in linguistic theory. – New York: Holt, Rinehart & Winston, 1968. – 88 p.
- LAKOFF G., JOHNSON M. *Metaphors we live by*. – Chicago: Univ. of Chicago, 1980. – 276 p.
- LEECH G. *Towards a semantic description of English*. – New York: Longman Press, 1969. – 277 p.
- NEWMAN J. “A cross-linguistic overview of the posture verbs ‘sit’, ‘stand’, and ‘lie’”. In: The Linguistics of Sitting, Standing and Lying, John Newman (ed.). DOI: 10.1075/tsl.51.02new.
- NEWMAN J., RICE S. *Patterns of usage for English SIT, STAND, and LIE*. In: A cognitively inspired exploration in corpus linguistics. Cognitive Linguistics. – 2004. – 15 (3). – Pp. 351-396.
- NEWMAN J. *Experiential motivation and the linguistics of sitting, standing and lying* (Open Access). DOI: 10.1002/wcs.1592.
- TALMY L. *How language structures space* / L. Talmy ; H. L. Pick (Jr.), L. P. Acredolo (eds.) In: Spatial orientation: Theory, research and application. – N.Y.: Plenum Press, 1983. – P. 225–282.

Сведения об авторах

Р.С. Кимов – доктор филологических наук, профессор.
Л.В. Хатухова – ассистент кафедры.

Information about the authors

R.S. Kimov – Doctor of Philology, Professor.
L.V. Khatukhova – Assistant of the Department.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.08.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 13.08.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.